

УДК-811.512.142

Ахматова М. А.
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик
E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДНОКОРЕННЫХ СИНОНИМОВ И ПАРОНИМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности однокоренных синонимов и паронимов в карачаево-балкарском языке. Анализ языкового материала позволяет подчеркнуть, что однокоренные синонимы и паронимы отличаются тем, что первые выражают одно значение, а вторые – разные; объем значений у синонимов совпадает, у паронимов – нет; однокоренные синонимы допускают адекватную замену в тексте, а замена одного паронима другим исключена и др. Результаты исследования помогают выявить объективные причины смешения паронимов, в частности сходство в семантике, недостаточное знание структуры слова, неточное представление о валентности слов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, однокоренные синонимы, паронимы, паронимазия.

УДК-811.512.142

Akhmatova M.A.
Kabardino-Balkar State University
named after H. M. Berbekov
Nalchik
E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF SINGLE-ROOT SYNONYMS AND PARONYMS IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Abstract: This article discusses the features of synonyms and paronyms of the same root in the Karachay-Balkar language. Cognate synonyms, and paronyms differ in that the first express a single value, and the second are different; the amount of values coincides in the synonyms, but not in paronyms, cognate synonyms allow adequate replacement in the text and the replace of one of the paronym with others is excluded, and etc. Objective reasons of mixing paronyms are: the similarity in semantics, lack of knowledge in the structure of words, an inaccurate representation of the valency of words.

Keywords: karachay-balkar language, cognate synonyms, paronyms, paronomasia.

Как известно, карачаево-балкарский язык располагает определённым количеством слов, которые имеют некоторую структурную и семантическую близость: *жаун* «дождь» – *жауум* «осадки», *боюнлукъ* «кашне, шарф» – *боюнчакъ* «галстук; бусы, ожерелье», *къуймуч* «копчик» – *къуйрукъ* «хвост;

курдюк; зад» и др., что обусловлено тем, что каждая пара имеет общий корень, но слова, входящие в нее, отличаются самостоятельностью своих аффиксов. Как считают некоторые лингвисты, минимальным пределом звукового подобия в таких парах является различие их слов в одну или две фонемы [8]. Как уже указывалось, критерием такого звукового сходства обладают и варианты слова, но приведённые пары слов никак не могут квалифицироваться как варианты слова, так как в них, в отличие от вариантов слова, нет смыслового тождества. Несмотря на то что они имеют общий генетически один корень, смысловые различия между ними настолько значительны, что делают их самостоятельными лексемами. При таких семантических различиях эти однокоренные образования не могут быть отнесены к синонимам, так как у синонимов семантические различия почти не ощутимы. Р.П. Рогожникова отмечает, что между паронимами и однокоренными синонимами «существуют какие-то промежуточные явления» [9], другие исследователи полагают, что подобные слова являются «сомнительными синонимами» [7], «синонимичными паронимами» [8]. Некоторые лексикологи считают недостаточным критерий звукового сходства сопоставляемых слов для отнесения их к паронимам и предлагают заменить его другим словом – «смешением» в речи [1, с. 8]. Смешение нельзя считать критерием отнесения таких слов к паронимам, хотя последние создаются в результате смешения [2]. Как совершенно правильно отмечает О.В. Вишнякова, «смешение – признак «опознания» паронимов, но не принцип их определения» [5]. А.С. Юханов не признает критерий «звукового сходства» как дифференциальный признак паронимии. Этот критерий, как он считает, «... позволяет отмечать паронимию только на уровне речи, в то время как паронимия – явление языка [11]. Вишнякова О.В. придерживается мнения, что звуковое сходство обуславливает наличие потенциальной возможности смешения паронимов в речи [6].

Данные карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что на основе звукового сходства не только в речи, но и в языке создаются паронимы,

которые довольно часто встречаются в художественных произведениях: *Халимат эски чирик тёшекни тышын жамай тура эди* (Г.Б.) «Халимат штопала чехол старого гнилого матраса». В данном предложении слово *чирик* «гнилой» употреблено вместо слова *чирги* «набитый шерстью весенней стрижки». *Жюн боюнчагы аны бойнуна эки кьат чулгъанынды* (К.Х.) «Шерстяной галстук намотан на его шею». Здесь слово *боюнчакъ* «галстук» использовано вместо однокоренного с ним слова *боюнлукъ* «шарф, кашне».

Полагаем, что смешение паронимов нельзя объяснить только их структурно-семантической близостью, которая обусловлена наличием общей корневой морфемы, как это делают некоторые лексикологи [11]. Наше мнение подтверждается фактами карачаево-балкарского языка, в котором смешиваются не только структурно и семантически близкие слова, но и лексемы, не имеющие такой близости, то есть разнокоренные слова: *Саматны жюреги чанчды, кёзю-башы тёгерек айланады, бетин тин-тери басды* (Ш.Х.) «Сердце Самата кольнуло, голова закружилась, лицо сильно вспотело»; *Жанчыкъны бек алгъа сезгени къарыусузлукъ болду, андан сора бетин тин-тери басды* (Т.А.) «Вначале Жанчык почувствовала слабость, потом лицо вспотела»; «*Юй киштик тюйюлдю ол, андан уллуду, туз киштикди*», – *деди Асхат* (Г.Э.) «Это не домашняя кошка, она крупнее её, это дикая кошка», – сказал Асхат. *Эшитиледи сюлесинни даууру, Эшитиледи туз киштикни гырнауу* (Э.О.) «Слышится рычание рыси, Слышится мяукание дикой кошки». В данных примерах сложные слова *тин-тери*, *туз киштик* использованы вместо *тин-тер* «сильный пот», *тюз киштик* «степная кошка», *тери тери* «шкура» и *туз* «соль» употреблены вместо *тер* «пот» и *тюз* «равнина, степь». Тем не менее, смысл понятен из контекста, что обеспечивают вторые компоненты данных слов – *тин* «тело», *киштик* «кошка».

Смешение паронимов не только в речи, но и в языке делает эту проблему ещё более актуальной, требует от исследователей выяснения причин взаимозамены созвучных слов. Одни считают, что смешение зависит от уровня

образования, чувства языка, то есть от культуры речи [11], другие полагают от «невнимательности из-за переутомления говорящего» [4]. Вряд ли можно согласиться с ними. Говорящий может быть «невнимательным из-за переутомления», но не пишущий художественные произведения, который обязан исправлять непреднамеренные смешения слов и выражений. Поэтому названные причины смешения паронимов следует считать субъективными. Главная объективная причина, как нам кажется, связана с одинаковым звучанием корня паронимичных слов, так как «звуковая близость слов и морфем часто преодолевает различие или отталкивание значений» [4]. Перечислим некоторые объективные причины смешения паронимов:

1) сходство в семантике, связанное с общностью корня: *боюнлукъ* «шарф, кашне» – *боюнчакъ* «галстук; бусы, ожерелье»;

2) недостаточное знание структуры слова, неумение разграничивать корень и аффикс в паронимических лексемах: *элли* (эл + ли) – *элчи* (эл + чи);

3) нечеткое представление о валентности слов: сравним валентность слов-паронимов *бузукъ* «изъян, дефект; неисправность» и *бузлукъ* «мелочь, разменные деньги»: *машианы бузугъу* «дефект машины», *бузукъ машина* «неисправная машина», *бузукъ адам* «испорченный человек», *бузлугъум жокъду* «у меня нет разменных денег», *бузлукъ бер* «принеси разменные деньги»;

4) внешнее сходство аффиксов у некоторых паронимов при общности их корня: *бузлукъ* – *бузукъ* (аффиксы *-лукъ* и *-укъ*);

5) определённая близость обозначаемых паронимами реалий типа: *къуйрукъ* «хвост; курдюк; седалище, зад» – *къуймуч* «копчик» и др.;

6) общность сферы применения называемых паронимами понятий, предметов, качеств и т.д.: *жауун* «дождь» – *жауум* «осадки», *кюлкюлю* «смешной, весёлый» – *кюлкючю* «шутник, весельчак, балагур» и др.;

7) возможность синонимической близости (или тождества) границ лексической сочетаемости паронимов: *ариу, жангы* (боюнлукъ – боюнчакъ) «хороший, новый (шарф, галстук)» и др.

Для определения паронимов необходимо установить общие и отличительные черты между ними и однокоренными синонимами. Кроме наличия общего корня и разных аффиксов (структурного сходства), принадлежности к одной части речи, паронимы и однокоренные синонимы сближает и некоторое семантическое родство, существующее между ними. Такая тенденция особенно ярко проявляет себя в тех случаях, когда паронимы и однокоренные синонимы имеют общий семантический центр (корень), то есть семантически связаны: *ашамлы* (кар.) – *ашашлы* «с хорошим аппетитом, имеющий аппетит» (синонимы), а *ашашлы* (кар.) – *аштанар* (разг.) «обжора» (паронимы); *тилчи* – *тилбаракъ* (разг.) «доносчик, ябедник, сплетник» (синонимы), а *тилчи* – *тилкъау* «заика» (паронимы). Подобные факты дают повод некоторым исследователям считать одни и те же слова и паронимами, и синонимами одновременно.

Однокоренные синонимы и паронимы имеют отличительные черты, основными из которых являются следующие признаки:

1) однокоренные синонимы выражают одно значение, а паронимы – разные значения; ср.: *эшме* – *эшим* «коса» и *боюнлукъ* «шарф, кашне» – *боюнчакъ* «галстук; бусы, ожерелье»;

2) у однокоренных синонимов объём значения совпадает, а у паронимов нет: *кеп* «сохнуть, высохнуть» – *кепчи* «высыхать (не полностью)»;

3) однокоренные синонимы принадлежат к одному семантическому классу, а паронимы – к разным: синонимы *ангылаулу* – *ангыламлы* «понятливый» выражают ум, а паронимы *дауурлу* «шумный» – *дауурчу* «скандальный» – состояние и характер;

4) однокоренные синонимы бывают как однозначными, так и многозначными, а паронимы однозначны: *къоркъуулу* – *къоркъунчу* «1.

опасный, рискованный; 2. тревожный», *юсдюр- – юсгюр* «натравливать, науськивать кого на кого» и *ачыусун* «злиться, сердиться, гневаться» – *ачыуса* «испытывать потребность в соли (о животных)»;

5) однокоренные синонимы допускают адекватную замену в одном тексте, если эти синонимы совпадают в стилистическом, функциональном плане и в широте употребительности [3], а замена одного паронима другим исключена;

6) среди однокоренных синонимов карачаево-балкарского языка довольно много диалектных, разговорных и региональных: *бугъумуч – букъгъуч* (ц. диал.) «прятки», *ачытхы* (балк.) – *ачытхыч* (кар.) - «закваска (для теста); дрожжи», *ёрека – ёрекына* (ц. диал.) «долговязый» и др. Паронимы же очень редко имеют стилистическую окрашенность: *тилчи* - «доносчик; сплетник, клеветник» – *тилкъау* - «заика», *ашамлы* - «с хорошим аппетитом, имеющий аппетит» – *аштапар* «обжора».

Основные различия однокоренных синонимов и паронимов связаны со смысловой структурой и валентностью этих единиц. К менее значимым отличительным признакам сопоставляемых языковых единиц можно отнести следующие:

1) среди однокоренных синонимов встречаются как самостоятельные, так и служебные части речи, а паронимы являются только самостоятельными частями речи: *букъ – бугъун* «прятаться, скрываться», *дери – деричи* «до» и *къуйрукъ* «хвост; курдюк; седалище, зад» – *къуймуч* «копчик»;

2) ряд однокоренных синонимов может состоять из двух-семи слов, а паронимический ряд – из двух слов: *бош – бошуна – бошунагъа* «напрасно, зря, попусту»;

3) пары однокоренных синонимов могут составлять простые и сложные лексемы, а паронимические пары они не составляют: *чапыракълан – чапыракъ ий* - «распустить листья», *бырнакъла – бырнакъ эт* - «отчуждать, отдалять кого от себя» и *тилкъау* - «заика, косноязычный» – *тилчи* - «клеветник, доносчик».

Сопоставление однокоренных синонимов и паронимов карачаево-балкарского языка и выявление их сходных и различительных признаков позволяет дать следующее определение паронимов: паронимы – близкие по звучанию однокоренные слова, относящиеся к одной части речи, обозначающие различные понятия и обладающие разной лексической валентностью.

В карачаево-балкарском языке имеется немало слов по звучанию (внешне) сходных с паронимами, но, в отличие от паронимов, генетической связи между собой не имеют: *желин* «вымя» – *желим* «клей», *къуран* «коран» – *къурам* «состав», *дугъум* «смородина» – *дугъума* «мята», *къундуз* «бобр» – *къузгъун* «ворон», *къалиян* «кальян» – *къалияр* «черемша» и др. Подобные пары слов принято называть парономатичными. У них созвучные корни, но это случайное созвучие, а у паронимов корни не просто созвучны, но и синонимичны: *къуран* «коран» – *къурам* «состав» (от *къура* «образовывать, организовывать, формировать что; составлять что; основывать, создавать, учреждать что» + -м); *жауун* (*жау* «идти (о дожде, снеге) + -ун) – *жауум* (*жау* «идти (о дожде, снеге) + -ум) «осадки». Некоторые лингвисты считают, что паронимия создаёт особый стилистический приём – парономазию [10]. Однако нельзя согласиться с таким выводом, так как компоненты паронимической пары имеют общий корень, а компоненты парономатической пары – разные корни, поэтому многие лексикологи считают парономазию окказиональным явлением, употребляемым писателями и поэтами для усиления выразительности речи [5].

Собранный нами фактологический материал показывает, что разнокоренные слова со сходным звучанием в карачаево-балкарской художественной литературе заменяют друг друга не специально, то есть не для усиления выразительности речи, а из-за недостаточного уровня владения языком. Вследствие незнания этимологии таких слов смысловые связи их уравниваются по значению со звуковыми связями: *Кёп жилигъандан, гитче жашчыкъны ёнчюгю къарылгъанды, сууукъдан кёгергенди* (К.Х.) «От того, что долго плакал, мальчишка охрип и посинел от холода»; *Бир кесекден, ёнюм*

къаныгъып, тамагъым къургъакъсып, стаканнга узалдым (Г.Э.) «Вскоре я охрип, в горле пересохло, и я потянулся к стакану»; *Анда-мында саргъалгъан муркку терекле бата баргъан кюнню кёзюнде жылтырайдыла* (З.Ж.) «Кое-где пожелтевшие кусты калины блестят на лучах заходящего солнца»; *Кюреше кетип, от алдыралмагъанда, Хусей моторну бузлугъу болгъанын ангылады* (Г.Б.) «Хусей долго возился, но не смог завести (машину), тогда понял, что мотор неисправен». Незнание семантики слов привело авторов к непреднамеренной замене одного из них другим: *къарыкъ* «охрипнуть» – *къарыл* «подавиться» – *къаныкъ* «ополчиться против кого-л.; приставать, привязываться к кому; приохотиться к чему», *муртку* «задержка, заминка» – *муркку* «калина», *бузукъ* «дефект, изъян» – *бузлукъ* «разменные деньги». Данный тип смешения происходит в результате объединения в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного сходства (контаминации). Следовательно, паронимия предполагает фонетическую и этимологическую близость слов, паронимазия – фонетическую.

Употребляемые в карачаево-балкарском языке подобные слова по степени фонетической близости можно разделить на две группы:

1) группа, компоненты которых фонетически очень близки (их большинство): *тин-тер* – *тин-тери*, *туз киштик* – *тюз киштик*, *къарыкъ* – *къарыл* и др.;

2) группа, компоненты которых фонетически не очень близки: *къундуз* – *къузгъун*, *илгич* – *иликич* и др.

Наличие в языке таких слов, как *къарыл* – *къарыкъ*, *тин-тер* – *тин-тери* свидетельствует о том, что фонетическая близость лексем ещё не говорит об их семантической близости. Это подтверждает и то, что некоторые слова, будучи фонетически даже очень близкими, являются абсолютными (полными) синонимами: *жатма* – *жапма* «навес».

Семантическая близость однокоренных слов зависит от семантической близости их аффиксов, то есть вариантность и синонимичность однокоренных слов зависят от вариантности и синонимичности присоединяемых к ним словообразовательных аффиксов: если присоединяемые к общему корню аффиксы вариантны, то вариантны и образуемые слова; если же аффиксы синонимичны, то синонимичны и образуемые слова. В паронимах же присоединяемые к общему корню аффиксы не имеют смысловой связи между собой. Для однокоренных синонимов в некоторых случаях характерны лишь едва уловимые семантические оттенки, а у паронимов разрыв в семантике существен. Что касается парониматических пар, то компоненты их не имеют никаких смысловых связей между собой, так как у них сходство не структурное, а звуковое.

Паронимия и паронимазия нередко приводят к образованию искусственных омонимов, которые употребляются как в устной речи, так и в письменной:

1) омонимы, употребляемые в устной речи: *муркку* 1 «калина» – *муркку* 2 «заминка, задержка»;

2) омонимы, употребляемые в литературном языке: *саулукъ* 1 «здоровье» (от *сау* «здоровый») – *саулукъ* 2 «дойная» (от *сау* «доить» + -ул).

В результате парониматического смешения слово не только заменяется другим словом, но иногда, потеряв свой статус, может стать искусственным образованием, употребляемым в языке: *желле* «набирать вымя (о корове перед отелом)» от *желин* «вымя»: *Аппа къунажинни желлеп башлагъанын кёрюп, къууанды* (З.Ж.) «Дедушка увидел, что телка начала набирать вымя, и обрадовался».

Если созвучные слова *желинле* – *желле* в результате контаминации употребляются одно вместо другого, то пары *Темиркъазакъ* – *Темиркъазыкъ* «Полярная звезда», *къанчау чапыракъ* – *къаншау чапыракъ* «ятрышник», *къарау сокъур* – *къырау сокъур* «слепой с открытыми глазами» уже давно не

смешиваются, а употребляются, только в одной, искажённой форме: *Темиркъзакъ, къаншау чапыракъ, къырау сокъур* ставшей нормой: *Жетегейле – жети жулдуз, Темиркъзакъ – кеси жулдуз* (погов.) «Большая медведица – семь звёзд, Полярная – сама звезда»; *Алийни жарасына багъаргъа къаншау чапыракъ керек эди* «Для лечения раны Али нужен был ятрышник»; *Аппабыз туугъандан да къырау сокъурду* (Т.З.) «Наш дед от рождения слепой с открытыми глазами». В данных предложениях слова *къзакъ, къанчау, къырау* употребляются вместо *къязыкъ* «кол; дубина, дубинка», *къанчау* (кровяное затверждение на теле человека), *къарау* от *къара* «смотреть, глядеть». Лексема *къанчау*, на наш взгляд, имеет следующую этимологию: *къан* «кровь» и *чау* < *чаб/чан* «покрываться чем; выступать; заливаться чем», листья ятрышника (*къанчау чапыракъ*) употребляются для лечения. *Къаншау* – имя собственное, поэтому слово *къанчау* не имеет с ним ничего общего. Данные слова смешиваются лишь из-за их звуковой близости. Этим же объясняется смешение слов *къырау* и *къарау*, не имеющих никакой смысловой связи.

Таким образом, можно заключить, что в карачаево-балкарском языке паронимия – языковое явление, создаваемое в результате непреднамеренного смешения слов, обусловленного незнанием их этимологии.

Библиография

1. Ахманова О.С. О фонетических и морфологических вариантах слова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову. – Вып. 9. – М., 1959. – С.42-59.
2. Ахматова М.А. Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1997. – 19 с.
3. Ахматова М.А. Семантические разновидности однокоренных синонимов в карачаево-балкарском языке // Язык: история и современность. –2017. – № 3. – С. 4-17.
4. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. – С.131.
5. Вишнякова О.В. Паронимы в русском языке. – М.: Высшая школа, 1984. –128с.
6. Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. – М.: Русский язык, 1987. –280с.
7. Голованова Г.П. К вопросу о роли взаимозаменяемости при выделении и определении синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. –Л., 1972. – С.112-122.
8. Кузнецова Э.В. Паронимия в современном французском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. –М., 1977. –19 с.

9. Рогожникова Р.П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. –М., 1967. – С.151-163.
10. Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. –М.: Высшая школа, 1990. – С.126-131.
11. Юханов А.С. Эволюция однокорневых синонимов в немецком языке: (имена существительные с общим значением качества): дисс. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1984. – С.16-55.

References

1. Ahmanova O.S. O foneticheskikh i morfologicheskikh variantah slova // Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu. – Vyp. 9. – М., 1959. – S.42-59.
2. Ahmatova M.A. Odnokorennye sinonimy v karachaevo-balkarskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Mahachkala, 1997. – 19 s.
3. Ahmatova M.A. Semanticheskie raznovidnosti odnokorenykh sinonimov v karachaevo-balkarskom yazyke // Yazyk: istoriya i sovremennost'. –2017. – № 3. – S. 4-17.
4. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii // Voprosy teorii i istorii yazyka. – М., 1952. – S.131.
5. Vishnyakova O.V. Paronimy v russkom yazyke. – М.: Vysshaya shkola, 1984. –128 s.
6. Vishnyakova O.V. Paronimy sovremennogo russkogo yazyka. – М.: Russkij yazyk, 1987. – 280s.
7. Golovanova G.P. K voprosu o roli vzaimozamenyaemosti pri vydelenii i opredelenii sinonimov // Sinonimy russkogo yazyka i ih osobennosti. –L., 1972. – S.112-122.
8. Kuznecova E.V. Paronimiya v sovremennom francuzskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. –М., 1977. –19 s.
9. Rogozhnikova R.P. Sootnoshenie variantov slov, odnokorenykh slov i sinonimov // Leksicheskaya sinonimiya. –М., 1967. – S.151-163.
10. Fomina M.I. Sovremennij russkij yazyk: Leksikologiya. –М.: Vysshaya shkola, 1990. – S.126-131.
11. Yuhanov A.S. Evolyuciya odnokornevykh sinonimov v nemeckom yazyke: (imena sushchestvitel'nye s obshchim znacheniem kachestva): diss. ... kand. filol. nauk. – Kalinin, 1984. – S.16-55.